

коне «первой и последней ассоциации», проявляющаяся в сказке правилом «фольклорного сигнала» начала и конца, дает возможность предполагать единую драматургическую основу: зачин, развитие действия (всегда однолинейного, без сюжетных ответвлений), кульминацию, развязку или концовку, которая уничтожает сакральность и возвращает к действительности. Важный семиотический смысл в празднике и сказке имеет вербальная, имитативная и контактная магия: цвет, числа, запреты, оборотничество (способность к перевоплощению); особая карнавальность, игра со зрителями (в празднике) и слушателями (в сказке); соединение в одну Вселенную человеческого, животного и растительного мира, существование на грани мечты и реальности.

Осмысление содержания основных структурных единиц сказочного мира А.С. Пушкина позволяет говорить о присутствии в нем мощной празднично-мифологической стихии. Именно эта стихия позволила почувствовать сказки А.С. Пушкина как свои национальные, узнаваемые, родные.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. - М., 1979. - Т. 4. С. 125.

² Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина. М.: Просвещение, 1989. С. 13.

³ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813-1826). М.;Л., 1950. С. 369.

⁴ Пушкин в воспоминаниях современников / Под ред. Н.Л. Бродского. М., 1950. С. 36.

⁵ Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 5.

⁶ Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина. С. 11.

⁷ Медриш Д.Н. Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура. Волгоград, 1992.

⁸ Зуева Т.В. Волшебная сказка. М.: Прометей, 1993.

⁹ Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.

¹⁰ Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 21.

¹¹ Лес и человек. 1987. М., 1986. С.43.

¹² Словарь современного русского литературного языка. М.;Л., 1950. С. 33.

¹³ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. С. 616-617.

М.С. Родионов

А.С. ПУШКИН И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

С момента открытия и первой публикации в 1800 году «Слово о полку Игоре» своими загадками будоражит не одно поколение исследователей. Особый интерес в ряду попыток про-

яснить «темные места» этого памятника политического красноречия XII века представляет статья А.С. Пушкина «Песнь о полку Игореве», написанная в начале 1836 года. Она интересна не только тем, что является одним из наиболее ранних примеров научного анализа рассматриваемого произведения, важно и другое - благодаря ей мы можем увидеть новые грани дарования Пушкина, которого мы традиционно воспринимаем как поэта, но почти никогда не говорим о нем как об исследователе, литературоведе.

Статья «Песнь о полку Игореве» поражает не только глубиной, в рамках знаний того времени, осведомленностью А.С. Пушкина об особенностях древнерусского языка, но и его умением проводить сравнительный языковой анализ, видеть филологические корни проблемы. Многие вопросы, поставленные в этой статье (подлинность памятника, переводы отдельных его мест) не теряют своей актуальности и в наше время и по-прежнему остаются объектом многочисленных дискуссий.

Анализ публикаций последних десятилетий позволяет сделать вывод, что позиция А.С. Пушкина по проблемам «Слова о полку Игореве» исследователями этого памятника либо не упоминается вовсе, либо, говоря о ее существовании, они при этом опускают какие-либо подробные комментарии. Нам представляется важным восполнить этот пробел и дать подробные пояснения к статье великого русского поэта, посвященной сложнейшей литературоведческой проблеме.

Статья Пушкина по сути поднимает две ключевые проблемы, связанные с изучением «Слова»: вопрос о времени создания памятника и трудности с его переводом. Что касается первой проблемы, то здесь обращают на себя внимание особенности аргументации автора. Заявления о том, что «Слово о полку Игореве» - литературная мистификация, осуществленная самим первооткрывателем Мусиным-Пушкиным или кем-то из его ближайшего окружения, появились сразу же после публикации памятника. А.С. Пушкин, несомненно, о них знал и с самого начала отвергал. Статья не затрагивает самой аргументации ниспровергателей идеи подлинности памятника, но, судя по ее содержанию, автор имеет в виду ту часть нигилистических теорий, которые были сориентированы именно на идею литературной мистификации. Об этом позволяет судить упоминание в статье крупнейших в XVIII веке скандалов такого рода, связанных с именами Чаттертона и Макферсона. Именно эти аферы и стали одной из причин подозрения Мусина-Пушкина в фальсификации. Здесь же есть и упоминание о том, с чьими конкретно сомнениями был знаком Пушкин и кого он в первую очередь опровергает. В статье упоминается «великий критик Шлецер». Речь идет о представителе

«скептической школы» Августе Шлецере, который первым высказал сомнения в том, что рукопись «Слова» – памятник XII века. Но уже после выхода первого издания он отказался от своих сомнений, что также отмечает Пушкин в своей статье: «Великий критик Шлецер, не видав «Песни о полку Игореве, сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением, и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна ему казалась истина!»¹ Но если к моменту написания статьи Шлецер уже пересмотрел свои взгляды на время происхождения «Слова», то против кого тогда направил А.С. Пушкин свои аргументы? Очевидно, против непримиримых «скептиков»: М.Т. Каченовского, О.И. Сенковского (Барон Брамбеус), а также искреннего недоброжелателя, соперника Мусина-Пушкина в коллекционировании российских древностей графа С.П. Румянцева.

Интересно, что свою аргументацию Пушкин строит не на анализе идейно-художественного содержания произведения, его фольклоризма (хотя и отмечает теснейшую связь «Слова» с устным народным творчеством), соответствия литературе и взглядам отраженной эпохи. Он идет от противного: если это подделка, то кому из литераторов XVIII столетия по силам такая мистификация? При этом можно выделить три аргумента, которые приводит Пушкин в защиту древности «Слова о полку Игореве».

Первым является опора на интуицию специалиста-исследователя, который, несомненно, сразу же почувствовал бы подделку. При этом Пушкин ссылается на примеры Вальполя, разоблачившего Чаттертона с его «стихотворениями монаха Раули», и Джонсона, уличившего Макферсона с его «поэмами Оссиана». Что же касается современников Мусина-Пушкина, то ни один по-настоящему крупный специалист по древним рукописям не увидел в рассматриваемом памятнике подделки: ни Карамзин, ни Ермолаев, ни Востоков, ни Ходаковский. Да и перемена позиции Августа Шлецера – для Александра Сергеевича не менее весома.

Второй аргумент связан с поисками возможного автора мистификации, если бы таковая имела место. Пушкин перебирает современников Мусина-Пушкина и приходит к выводу, что ни одному из них не по силам было осуществить такой труд, где требовалось соединение знаний древнерусского языка, древнерусской литературы, древней истории, русского фольклора и огромного поэтического таланта: «Кто из наших писателей в XVIII веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни о полку Игореве». Прочие не имели все вместе

столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства»².

И, наконец, третий аргумент. «Слово о полку Игореве» передает дух эпохи, который невозможно было ни почувствовать, ни воссоздать в XVIII веке, когда общество жило предромантическими настроениями и ожиданиями. Да и сам факт обращения автора «Слова» к малоизвестному даже тогда походу говорит в пользу древнего происхождения памятника. К тому же Пушкин справедливо отмечает, что знание древнерусского языка в то время было неполным и, следовательно, это непременно отразилось бы на характере подделки. «Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления»³.

Интересно, что точно такую же аргументацию будет использовать затем академик Д.С. Лихачев, когда поведет речь о времени создания слова⁴.

Другой целью статьи является попытка уточнения перевода некоторых «темных мест». В первую очередь Пушкин делает это в отношении вступления. Он не согласен со всеми известными ему переводчиками «Слова о полку Игореве», усмотревшими в первой фразе вопросительную интонацию. По мнению Александра Сергеевича, ее смысл как раз не в вопросе, а в утверждении. Аргументируя свою мысль, он демонстрирует не только хорошие знания особенностей древнерусской лексики, но и рассматривает вводную фразу с позиции психологии художника, законов поэзии. Камнем преткновения здесь является частица «ли», в которой уже первые переводчики увидели вопрос, а А.С. Пушкин - утверждение, поскольку, по его словам, «в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный ...».

Нужно отметить, что Пушкин действительно тонко почувствовал противоречие, заложенное в тексте первого издания, а затем повторенное другими переводчиками. В их интерпретации выходило так: «Не воспеть ли нам об Игоре по старому? Начнем же петь по былинам сего времени, а не по замыслению Боянову». Смысла действительно маловато. Пушкин же предлагает такой вариант перевода: «Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песне по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна»⁵. При этом решающим аргументом в пользу такого толкования является, по мнению Пушкина, именно психология поэта, ни один из которых не любит упрека в подражании кому-либо. Вот неизвестный автор

«Слова» и заявил с самого начала произведения собственную манеру повествования. Таким образом, заслуга А.С. Пушкина состоит не только в уточнении общего смысла вступительной фразы, учтенного последующими переводчиками «Слова», но и в обнаружении явной неточности самого перевода. Исследователи нашего времени (Д.С. Лихачев, О.В. Творогов), опираясь на новые знания в области древнерусского языка, уточнили перевод, тем самым сняв то противоречие, на которое указывал еще Александр Сергеевич. В переводе Д.С. Лихачева эта фраза звучит теперь так: «Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревоу, Игоря Святославича?»⁶

Вторая поправка касается фразы «Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». Пушкин предполагает здесь ошибку переписчика. По его мнению, во всей фразе явно недостает одного слова, придающего ей законченный смысл. По версии автора статьи, середина предложения должна выглядеть так: «... растекался мыслию по древу *славием* ...», тем более что ниже это слово в тексте используется. Очевидно, данная точка зрения имеет право на существование, поскольку и современные исследователи (Н.К. Гудзий, Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев, Л.А. Дмитриев) говорят о перестановках в тексте и ошибках, допущенных его поздними переписчиками. Но в современных переводах «Слова» пушкинская идея не учтена.

Продолжение статьи представляет собой по существу первый в истории научного изучения памятника объяснительный перевод текста. Интересен он тем, что Пушкин противопоставляет позицию первых переводчиков «Слова» с вариантами толкования поздних исследователей (А.С. Шишкова, Я. Пожарского, Вельмана). Он же отметил и особенность отношения к тексту «Слова о полку Игореве» первых издателей. Они предпочитали оставлять текст «темным» в тех местах, где явно его не понимали, и не боялись в этом признаться, тогда как другие старались всеми силами, часто искусственно, объяснить каждое слово произведения, еще более затуманивая его содержания. В качестве примера автор статьи приводит попытку вразумительно объяснить, о каком Трояне идет в тексте речь.

Очевидно, что рассматриваемая статья А.С. Пушкина создавалась параллельно с его работой по переводу текста «Слова о полку Игореве» и должна была послужить своеобразным к нему комментарием. Свой перевод, как известно, Александр Сергеевич завершить не успел, но оставленная им литературоведческая работа по проблемам этого выдающегося памятника древнерусской

литературы по-прежнему сохраняет свою актуальность и открывает нам новые грани дарования великого русского поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1964. Т. VII. С. 501.

² Там же. С. 501.

³ Там же. С. 502.

⁴ Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве. М., 1976. С. 147-148.

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1964. Т. VII. С. 503.

⁶ Слово о полку Игореве // Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986. С. 78.

Л.И. Миночкина

В.В. РОЗАНОВ О ПУШКИНЕ

Несмотря на публикации литературно-критических и философских работ В.В. Розанова в последнее десятилетие, современная наука лишь только начинает изучать его литературную критику как явление¹. Исследователь А.Н. Николюкин справедливо утверждает, что несмотря на противоречивость литературно-критических взглядов критика-философа, концепция русской литературы XIX века вырисовывается в его произведениях. Заметим, что творчество А.С. Пушкина становится точкой отсчета в этой необычной концепции, а высказывания о поэте звучат удивительно современно накануне XXI столетия.

Принцип розановских антиномий, «двуликости» исчезает при оценке поэзии А.С. Пушкина, к которой критик-философ обращается постоянно: и в эстетическом трактате «Три момента в истории русской критики» (1892), где творчество поэта было для него пробным камнем для трех этапов русской критики, и в статьях, посвященных столетнему юбилею поэта: «А.С. Пушкин» (1899), «О пушкинской академии» (1899), «Заметка о Пушкине» (1899), «Кое-что новое о Пушкине» (1899); в трудах, где он полемизирует с Вл. Соловьевым по проблеме метафизики смерти: «Христианство активно или пассивно?» (1897), «Еще о смерти Пушкина» (1900), — в более поздних статьях: «Возврат к Пушкину» (1912), «Пушкин и Лермонтов» (1914), в работах о Н.В. Гоголе, в первом и втором коробе «Опавших листьев» и др.

Критик-философ не претендовал на исключительные открытия, замечая, что наступило время «Пушкина в подробностях». Известно, что Розанов ввел в критику «мелочное», «мимолетное». «У меня есть какой-то фетишизм мелочей, — пи-